

Гу Хуайюй задал еще пару вопросов, проверяя его, но ответы были безупречны, и симпатия в его сердце только росла. Поняв, что больше сказать нечего, он уже собирался сделать заказ и отпустить Ли Ваньяна, как вдруг Сюэ Цзя, сидевший рядом, улыбнулся официанту:

— Скажите, юноша, а вы женаты?

Молодой официант, до этого сохранявший каменное выражение лица, чуть оживился, в глазах вспыхнула явная улыбка, и взгляд стал мягче:

— С детства я не любил женщин. В восемнадцать лет я взял в жены мужчину, и он ко мне очень хорошо относится. Думаю, вы с супругом тоже счастливы, верно?

Гу Хуайюй замер. Только что он задал несколько вопросов, и Ли Ваньян оставался абсолютно невозмутимым. Хотя Гу и хотел подружиться, но побоялся, что это будет выглядеть слишком навязчиво и может вызвать подозрения. Если бы Ли Ваньян подумал, что это просто забава богатого господина, подшучивающего над бедняком, это было бы плохо. Он решил подождать и познакомиться с человеком попозже. Но стоило Сюэ Цзя открыть рот, как Ли Ваньян сразу стал разговорчивее. Похоже, есть шанс.

Сюэ Цзя с улыбкой подхватил:

— У меня с мужем отношения действительно хорошие. Но после того как я вступил в семью Гу, из-за своего характера я мало общаюсь с другими супругами из знатных родов. Иногда мне бывает одиноко, хочется найти друга, но я не знаю, как принято здесь заводить знакомства. А как ваш супруг ладит с соседями?

В ресторане «Эпоха процветания» главное требование — удовлетворение гостей. Раз уж Сюэ Цзя решил поговорить с официантом, Ли Ваньяну полагалось его развлекать. Он не спешил принимать заказ, вежливо и почтительно поддерживая разговор:

— Со стороны он кажется прямым и резким, в разговоре легко может обидеть, но на самом деле у него добрый характер. Он внешне жесткий, но внутри мягкий. Соседи знают, что он просто вспыльчив, но человек хороший, все его любят. С соседями он живет в мире.

Сюэ Цзя продолжил спрашивать:

— А чем занимается ваш супруг? Где он работает?

Ли Ваньян улыбнулся:

— Он портнихой работает в магазине готовой одежды на южной улице. Шьет одежду, и мастерство у него неплохое.

Сюэ Цзя кивнул, его чистые черты отражали холодный свет неба:

— Вы знаете, что магазины тканей, шелка и одежды под эгидой семьи Гу — самые крупные в городе Юнь. Если я захочу пригласить его в один из наших магазинов, чтобы он шил одежду специально для меня, да и просто чтобы мы могли болтать, скрашивая мой досуг, как вы посмотрите на это?

Ли Ваньян не ожидал такого предложения и на мгновение растерялся. Подумав, он ответил:

— Сударь оказывают мне честь, и я не должен отказывать, но с этим делом мне хочется

посоветоваться с супругом.

Сюэ Цзя доброжелательно улыбнулся:

— Это правильно, только если он сам согласен. Нет смысла в принуждении. В следующий раз, когда я сюда приду, я послушаю ваш ответ.

Ли Ваньян кивнул. Хотя он и не залился соловьем от того, что его заметили люди из семьи Гу, выглядел он явно радостнее, чем в начале, и уже не был таким замкнутым и хитрым, как в прошлой жизни.

Гу Хуайюй не выдал своих чувств, но внутри был очень удивлен. Он догадался: должно быть, Цзяцзя по его выражению лица понял, что он хочет привлечь этого человека. Хотя, возможно, он и не знал подоплеку, но все равно решил помочь ему наладить контакт с этим, казалось бы, никому не известным официантом. Гу Хуайюй говорил так долго, а Ли Ваньян реагировал спокойно. Сюэ Цзя же начал с его супруга и заставил его поговорить, да еще оставил шанс для следующей встречи. Воистину... он даже не знал, что и сказать.

Он был так хорош... В итоге весь его ум и талант были погребены вместе с ним в городе Тао. Как он в прошлой жизни мог упустить человека, который так хорошо понимал его и был так с ним душевно близок?

Неизвестно, кто был глупее: то ли он, то ли сам Гу Хуайюй?

Богатые гуляки города Юнь обычно делились на три категории. Первые были самыми противными: они не только частенько наведывались в бордели, но и всегда устраивали скандалы из-за любовных интриг, к тому же на улицах устраивали скачки и петушинные бои, пили, играли в азартные игры и приставали к честным девушкам. Пользуясь властью, они творили что хотели, и их ненавидели больше всего, хотя они, как правило, имели глазомер и не трогали тех, кого трогать нельзя, не создавали скандалов, с которыми не могли бы разобраться старшие в роду.

Вторая категория была получше: они не устраивали беспорядков, но и ничем полезным не занимались, вели посредственный образ жизни. В свободное время ходили в публичные дома любоваться красавицами, считали это ценителями искусства, а по сути были просто неисправимыми повесами.

Последняя категория гуляк тоже часто посещала публичные дома и игорные заведения, держалась вечно развязно, казались бесполезными, но никто не знал, сколько всего они выучили. Возможно, они тайно уже держали в руках управление внутри семьи. Такие с виду казались свободными, но на деле были самыми лицемерными.

Это было мнение Шэнь Аньхуа, старшего сына семьи Шэнь — одного из Восьми великих родов города Юнь, известной своей ученостью, высказанное им о специфической группе гуляк.

Сам Шэнь Аньхуа был самым известным вундеркиндом царства Юй. В три года он знал тысячу иероглифов, в пять писал стихи, в семь уже создавал стихи и прозу. В пятнадцать лет он направил правителю города Юнь послание «О преимуществах и недостатках системы управления и судоходства в городе Юнь». В нем он не побоялся пойти против семьи Лу, которая тогда контролировала судоходство в городе, в полной мере показав дух и характер семьи Шэнь — столетнего рода ученых. Этот текст попал в руки только что взошедшему на престол императору Юй Чэну. Молодой и полный энергии император тут же восхитился:

— Статьи этого парня необычны, а талант потрясен!

Шэнь Аньхуа стал знаменит на все царство Юй. К сожалению, в то время, возможно, из-за того, что Юй Чэн только взошел на престол и политическая обстановка была нестабильной, император не стал проводить реформы по предложению Шэнь Аньхуа.

Став взрослым, Шэнь Аньхуа стал еще спокойнее и величественнее, его облик был полон обаяния. По системе рекомендаций царства Юй он был призван на службу в столицу. В возрасте двадцати пяти лет он вместе с Сяо Жунлянем, сыном главной линии боковой ветви семьи Сяо, который только что достиг двадцати лет, отправился в город Хуай царства Юй для участия в «Встрече певцов на высокой террасе», где три царства заключали союз. После этого собрания он стал известен на весь мир, и вместе с господином Сяо из царства Юй, господином Дуань из царства Шо и госпожой Чу из царства Цзян их называли «Четырьмя молодыми господами двух материков Шуо-Юй и Лань-Цзян».

То мнение о гуляках было всего лишь его словами, когда он еще был в городе Юнь. Говорят, что тогда молодой господин Шэнь случайно увидел, как молодой господин Оуян Цзянь из семьи Оуян целовал и щупал красивую девушку внизу, когда он сам пил вино и слушал музыку цинь в самом модном павильоне «Снежное море ароматов» в городе Юнь. В порыве гнева он и произнес эти слова, а потом они были переданы другими господами, сопровождавшими его. Очевидно, это было нацелено на молодого господина Оуяна. И очевидцы, присутствовавшие там, все поняли: в глазах молодого господина Шэня молодой господин Оуян, разумеется, относился к так называемым «самым лицемерным».

Прежде чем жители города Юнь успели разобраться, в какую сторону дует этот слух, дошедший до них с большим опозданием, молодой господин Шэнь уже взмахнул рукавом и уехал в столицу. В то время Гу Хуайюй было всего четырнадцать или пятнадцать лет. Поэтому разговоры о том, не влюблен ли молодой господин Шэнь в молодого господина Оуяна, так и остались без продолжения и постепенно затерялись в пыли города Юнь.

Когда Гу Хуайюй позже услышал эти слова, он про себя поразмышлял и в итоге отнес себя ко второй категории, чувствуя небольшое утешение от того, что не является худшим из худших.

Сейчас, сидя в ресторане «Эпоха процветания», заказав еду и ожидая человека, Гу Хуайюй невольно вспомнил слова того господина Шэня, который сейчас находился в столице. Он прикинул в уме: если того, кого он ждет, тоже можно назвать гулякой, то он определенно относится к третьей категории.

Думая об этом, он не удержался от улыбки, подался вперед, поцеловал Сюэ Цзя в щеку, не отпуская его от себя, и с улыбкой сказал:

— Цзяцзя, ты знаешь то рассуждение о гуляках, которое высказал старший господин Шэнь?

Сюэ Цзя тоже улыбнулся, опираясь на его плечо:

— О чем это ты вдруг вспомнил?

Гу Хуайюй слегка приподнял бровь:

— А какой гуляк, по-твоему, я?

Сюэ Цзя фыркнул и рассмеялся, посмеявшись немного, сказал:

— Если хочешь знать мое мнение, то я не отношу тебя ни к одной из категорий.

Гу Хуайюй провел пальцем по щеке Сюэ Цзя, глаза его были полны улыбки:

— Но ведь весь город Юнь считает меня ни на что не годным. Только ты с открытыми глазами говоришь вздор.

Сюэ Цзя глядел в окно, где небо было высоким, а облака редкими, и тихо улыбнулся:

— В моем сердце ты, конечно, очень и очень хороший.

<http://bllate.org/book/17686/1649960>